

В заключении автор как бы перекидывает мост к классическому и эллинистическому периодам истории Родоса. Указывая на быстрое экономическое и политическое развитие Родоса в VIII—VI вв. до н. э., на его значительные торговые связи с Сицилией, Северной Африкой и побережьем Черного моря, автор переходит к причинам синойкизма трех крупнейших городов Родоса: Линда, Камира и Ялиса, который имел место в 408—407 гг. до н. э. Причины этого объединения усматриваются в стремлении к экономической и политической независимости.

Здесь К. М. Колобова неправильно утверждает, что знать в городах была связана с торговлей и колонизацией. Это неверно. Знать на Родосе, как и в других государствах Греции, в то время состояла из крупных землевладельцев, влияние которых падало в связи с возвышением ремесленно-торговых слоев. С торговлей и колонизацией была связана не родовая знать, а крупные торговцы и владельцы ремесленных мастерских. Эта новая нарождающаяся олигархия не только не была связана со старой знатью, но и выступала против нее. Процесс падения знати и возвышение ремесленно-торговых слоев происходил в конце VI—начале V в. до н. э. во всей Греции и едва ли мог миновать Родос. Поэтому неверно считать, что родосская знать была связана с торговлей и колонизацией.

В общем и целом следует сказать, что, несмотря на большую осведомленность в фактах по истории Родоса и хорошее знакомство с литературой, все-таки подлинной истории раннего Родоса у К. М. Колобовой не получилось. Наиболее важные основные вопросы истории Родоса ею даже не поставлены. Не освещены в книге экономика Родоса. Нет серьезной характеристики политического строя, социального состава родосского общества и классовой борьбы. За исключением интересных, но не всегда правильных положений о греческой колонизации, все содержание ее книги весьма далеко от общей линии развития советской исторической науки за последние годы.

Ю. Крушкoл

С. Л. УТЧЕНКО, Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики (Из истории политических идей I в. до н. э.), М., Изд. АН СССР, 1952, 300 стр., тираж 4000 экз., цена 13 руб. 45 коп.

Переход от республики к принципату, зарождение императорской власти — этот великий переворот в истории древнего Рима — давно привлекал внимание и советских ученых¹ и зарубежных буржуазных исследователей. За последние двадцать лет в буржуазной историографии появилось большое количество работ, посвященных правлению Октавиана Августа. Достаточно назвать работы: Hammond, Winspear, Homo, Gagé, Cesarano, Varini, Buchan, Allen, Syme, Foster, Ehrenberg и др. К ним примыкают и работы Ростовцева. Такой интерес буржуазных историков к деятельности Августа понятен. Этот интерес отражает мечты буржуазии о сильной власти и мировом господстве; поэтому Август и поднимается на щит, как император, осуществивший это мировое господство. При такой идеализации Августа его власть рисуется как «надклассовая»; буржуазная наука не может вскрыть классовых корней его власти и при этом часто прибегает к вопиющей модернизации античности. Такие тенденции буржуазной науки требуют от советских историков, вооруженных марксистско-ленинской методологией, еще более глубокого изучения закономерности становления принципата и сущности власти Августа, не только с социально-политической стороны, но и с тесно связанной с ней стороны идеологической. Каковы были идеологические предпосылки принципата? Какова была идейно-политическая борьба в Риме, подготовившая идеологические основы принципата? Эта проблема еще очень мало затрагивалась в советской и буржуазной науке. Дать глубокий марксистский анализ

¹ Особенно см. книгу проф. Н. А. Машкина «Принципат Августа», М.—Л., 1949.

этой идеологической борьбы — вот та весьма благодарная и важная задача, которую поставил перед собой автор рецензируемой работы.

Книга С. Л. Утченко открывается предисловием и затем разбивается на три раздела. Раздел I состоит из трех глав: 1) *πόλις* и *civitas*; 2) Основные тенденции социально-политической борьбы в римском обществе II—I вв. до н. э.; 3) Идеологическая жизнь римского общества II—I вв. до н. э. Раздел II тоже состоит из трех глав: 1) Социально-политическая утопия I в. до н. э.; 2) Теория упадка правов и ее политическое значение; 3) Развитие политических воззрений Саллюстия. Раздел III включает в себя три главы и заключение: 1) Учение о смешанной форме государственного устройства и его классовая сущность; 2) «Идеальный гражданин» и *officia amicitiae*; 3) Цицерон и идеологическая подготовка принципата. В обширном «Приложении» дан русский перевод двух писем Саллюстия «к Цезарю-старцу» о государственных делах и переписки Цицерона с Гаем Матием. Затем следует «Список сокращений», «Указатель именной и предметный», «Указатель латинских и греческих терминов» и «Источники, указанные в тексте книги». Таково содержание интересной книги С. Л. Утченко. Нужно заметить, что отдельные главы книги уже публиковались в печати; главы о политических воззрениях Саллюстия и об учении Цицерона о смешанной форме государственного устройства (в сокращенном виде) печатались в ВДИ (1949, № 3 и 1950, № 1) и в «Известиях АН СССР, серия истории и философии» (1948, № 2).

Мы специально остановились на вопросе о структуре работы С. Л. Утченко, так как из нее видно, что наиболее общие, принципиальные положения развиваются автором в главах первого раздела, а политические воззрения Саллюстия и Цицерона, специальному анализу которых посвящены остальные разделы книги, призваны лишь служить конкретной иллюстрацией к выводам автора относительно основных тенденций политической борьбы и идеологической жизни римского общества I в. до н. э.

В первом разделе автор ставит ряд проблем, имеющих принципиально важное значение: отличие греческого полиса от римской *civitas*, классовая структура античного общества, генезис принципата и т. д. Однако не все эти вопросы получают равное решение.

Так, например, говоря о различии между *πόλις* и *civitas*, автор делает небольшой экскурс, посвященный выяснению проблемы становления и развития греческого полиса. Он указывает на то, что греческие города-государства возникают в VIII—VI вв. до н. э., и подчеркивает наличие двух путей их возникновения: на территории бывших поселений родовой знати или на еще необжитой территории (как правило, в прибрежной полосе). Главным выводом автора является утверждение о том, что основным фактором формирования греческих городов-государств был процесс образования классов, т. е. раскол общества на враждебные классы.

Процесс становления и развития греческого полиса в основных его чертах прослежен С. Л. Утченко, несомненно, правильно, но тем не менее мы должны сделать автору упрек, состоящий в том, что он не дает развернутого определения социальной природы полиса¹. Определяя природу полиса, автор неизбежно должен был коснуться вопроса о характере и формах античной собственности, вопроса, совершенно не затронутого в работе С. Л. Утченко. Осветить эти вопросы тем более необходимо, что, как известно, К. Маркс в своем труде «Формы, предшествующие капиталистическому производству» уже дал принципиальное решение всех этих проблем. Без развернутого определения классовой природы полиса вопрос о различиях между *πόλις* и *civitas*, на наш взгляд, не может быть решен полностью.

Гораздо основательнее исследует С. Л. Утченко вопрос о генезисе принципата, хотя анализирует его не в полном объеме, но главным образом в плане идеологической подготовки принципата.

¹ Вопрос об экономическом базисе и формах собственности теперь приобретает особое значение в свете работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

Сам С. Л. Утченко неоднократно заявляет, что он не ставил себе задачи решить вопрос во всем его объеме: «Проблема падения Римской республики и утверждения принципата, взятая хотя бы только в идеологическом аспекте, настолько грандиозна, что предлагаемое исследование нужно рассматривать лишь как попытку подойти к изучаемой проблеме» — пишет автор в предисловии (стр. 5) и продолжает в заключении: «Проблема принципата во всем ее многообразии настолько грандиозна, что она не может быть исследована „попутно“, но должна явиться самостоятельным объектом изучения. Данная работа имеет несравненно более скромную задачу: на основе анализа идеологических явлений определить, какие политические идеи и лозунги расчистили дорогу новой форме политической власти и сделали ее приемлемой для классового сознания господствующих слоев римского рабовладельческого общества» (стр. 236).

Для того, чтобы понять характер идеологической борьбы в Риме конца республики, С. Л. Утченко сначала показывает разницу в развитии греческого и римского общества и политической борьбы в Греции и в Риме, рассматривает вопрос о влиянии Греции на римскую культуру и затем переходит к анализу идеологической борьбы в Риме во второй половине II в. до н. э. Это вполне целесообразно. Эпоха после третьей Пунической войны была, как известно, поворотным пунктом в римской истории: это было время возникновения социально-экономических условий, которые подготовили переход от республики к принципату, время, когда государство стало выходить за политические рамки полиса, — время кризиса традиционной морали. Автор анализирует социальную базу движения Гракхов и показывает, что под влиянием греческой политической публицистики это движение носило эллинистическую окраску: 1) Гай Гракх опирался на «демос» в греческом смысле этого слова, не только на сельский и городской плебс, но и на «всадников», интересы которых в действительности были далеки от интересов плебейских масс; 2) движение Гракхов представляло собой «партийную» борьбу, к которой привела Гракхов «внутренняя логика классовая борьба в Риме», но в которой сказалась и «эллинистическая окраска». Эта демократическая «партийная» тенденция сталкивалась с аристократической консервативной тенденцией, опиравшейся на «обычай предков» (*mos maiorum*), пропагандировавшей «согласие сословий» (*concordia ordinum*) и отрицательно относившейся к «партийности». Эта тенденция вела свое начало от Катона Старшего, родоначальника теории «упадка нравов», и ярко выразилась во всей политике Августа. Представителем демократической линии явился Саллюстий. Автор на детальном анализе его двух писем к Цезарю хорошо показывает развитие демократизма Саллюстия, как эволюцию идеологии промежуточных слоев, к которым принадлежал Саллюстий. От республиканского консервативного идеала старинного полиса с его равновесием сената и народа Саллюстий приближается к демократическому лозунгу — за народ, который должен властвовать, а не быть рабом. В своем исследовании С. Л. Утченко, в отличие от буржуазных ученых, тонко вскрывает противоречие деятельности Цезаря и идеалов Саллюстия, который все сильнее нападает на роскошь и силу денег. Отсюда у Саллюстия вытекает теория упадка нравов с ее эллинистической окраской и резкая критика пороков нобилитета в «Заговоре Катилины» и в «Югурте» (речи Меммия и Мария). Выразителем аристократической линии выступил Цицерон с его якобы «надклассовыми» лозунгами «согласия сословий» (*concordia ordinum*) и «единомыслия всех благонамеренных» (*consensus bonorum omnium*). Автор анализирует политические взгляды Цицерона, разбирает его трактат «О государстве», его учение о «смешанной форме» государственного устройства. С. Л. Утченко присоединяется к тем исследователям, которые в *rector*'е Цицерона видят не монарха, а идеального республиканского деятеля, наделенного чертами *vir bonus*. Это понятие «благонамеренного гражданина» С. Л. Утченко раскрывает на материале трактатов «De officiis» и «De amicitia», а также переписки Цицерона и Матия. Эта переписка в понимании дружбы снова выражает столкновение двух различных идеологий: «Питательной средой воззрений Матия (представление о «чистой дружбе» — Н. Д.) был эллинистический мир с характерным для него индивидуализмом, сформировав-

шимся на базе разложения полиса, а той идеологической сферой, которая породила цicerоново толкование *officia amicitiae* («свободу родины надо ставить выше дружбы») — Н. Д.), была в большинстве своем консервативно настроенная римская аристократия II — I вв.» (стр. 211).

Демократическая тенденция Гракхов и Саллюстия проявилась в деятельности «великих трибунов»: Аппулея Сатурнина, Марка Ливия Друза, а затем в деятельности Сервилия Рулла, в движении Катилины, в деятельности Цезаря до его диктатуры и в отдельных вспышках даже при Августе. Но в общем эта тенденция приходит в упадок; наоборот, антидемократическая тенденция Цицерона усиливается и делается основой идеологии принципата.

Такова концепция автора, основные ее линии можно признать вполне доказанными. Приходится только пожалеть, что автор не анализирует идеологии Сципионовского «кружка». Как теперь выяснено¹, этот кружок по своим взглядам занимал среднее место между нобилитетом и демократией, старался соединять традиционную мораль с греческой философией, пропагандировал идеал *humanitas*. Такого же взгляда держался Луцилий. Из отдельных вопросов и проблем выдвигается прежде всего важная проблема взаимоотношения греческой и римской культуры. С. Л. Утченко правильно полемизирует с буржуазными учеными, которые «...хотят любой ценой доказать „кровное родство“ и „духовную близость“ этих двух народностей» (стр. 7). Автор противопоставляет этим идеалистическим выводам единственно научное марксистское определение родства греческого и римского общества, заключающегося в наличии одного и того же рабовладельческого способа производства. В дальнейшем, определяя отличие римского социального развития от греческого, автор исходит из оценки классовой структуры античного общества. Он делит рабовладельческое общество на свободных и рабов; свободное население в свою очередь распадалось на два класса: класс крупных землевладельцев-рабовладельцев и класс мелких производителей — крестьян и ремесленников (стр. 12). В примечании поясняется, что эти последние «могли спорадически и, конечно, в весьма ограниченных масштабах эксплуатировать труд рабов», но что «отсюда вовсе не вытекает, что их следует считать рабовладельцами... наиболее зажиточные из них превращались в рабовладельцев, но большинство разорялось и становилось в примитивных рабовладельческих обществах рабами, в наиболее развитых — люмпенпролетариями». Здесь, конечно, следует считаться с разными этапами развития античного общества, но все равно, если мелкие производители фактически и не имели рабов, все же у них была психология рабовладельцев; они все же оставались рабовладельцами в потенции, — иначе получался в производственном отношении как бы три основных класса: свободные рабовладельцы, свободные нерабовладельцы и рабы (?). Впрочем, сам автор признал дискуссионность этого вопроса, перепечатав в дискуссионном порядке часть этой главы во ВДИ (1951, № 4).

В связи с этим следует отметить поднятый автором вопрос о греческом культурном влиянии на Рим. Автор вполне основательно критикует работу С. И. Протасовой², которая «даже и не пытается объяснить, какие именно социально-экономические условия в самой Римской республике сделали возможным факт подобных влияний» (стр. 37 — разумеется «эллинистическая окраска» движения Гракхов). Далее следует отметить, что С. Л. Утченко настойчиво подчеркивает трудности внедрения эллинистической культуры в римское общество. Буржуазная наука рисует этот процесс в мирных и идиллических тонах; между тем «этот процесс представляет собой острую и напряженную борьбу, отражавшую сложные, противоречивые, а иногда даже прямо враждебные социально-политические взаимоотношения эпохи». Иными словами, в отличие от подхода буржуазных ученых, греческое влияние в Риме следует рассматривать в связи с классовой борьбой. Эти мысли не новы, но их не мешает повторить;

¹ См. диссертацию моего ученика М. Н. Чернявского «Сатура Гая Луцилия и ее традиция в истории жанра римской сатуры», МГУ, М., 1952.

² С. И. Протасова, Борьба общественных идеалов в Риме в эпоху Гракхов, «Из далекого и близкого прошлого», 1923.

без этого мы не поймем и развития римской литературы¹. Следует добавить, что, если не считать оппозиции Катона Старшего, греческое влияние шло по аристократическому руслу; демократическая линия (в литературе линия Невия и Плавта) была более самобытной и сопротивлялась греческому влиянию. С. Л. Утченко хорошо далее подчеркивает устойчивость в Риме традиции, сохранение «обычая предков» (*mos maiorum*) и верно утверждает, что «эллинистическая культура распространилась в Риме и была „принята“ обществом лишь тогда, когда она была преодолена как нечто чуждое, когда она была оплодотворена римскими самобытными силами, когда она стала народным достоянием» (стр. 69).

К греческому влиянию мы еще вернемся в дальнейшем, а сейчас остановимся на некоторых дополнительных моментах. Необходимо отметить тонкий, новый анализ политических воззрений Саллюстия; в книге дается детальный разбор писем Саллюстия к Цезарю (чем, кстати сказать, еще раз подчеркивается их подлинность), вскрывается классовая сущность картины упадка правов в «Заговоре Катилины»; абстрактная фразеология в этой картине не свидетельствует об аполитичности Саллюстия и об его «надпартийных» позициях, как заключают буржуазные ученые, а направлена против развращенности нобилитета (стр. 123 сл.). Даже прерывающий характеристику Катилины экскурс о том, как государство из прекраснейшего превратилось в самое худшее и порочное, показывает разложение того же нобилитета — той среды, из которой вышел Катилина (стр. 122). То, что Саллюстий являлся идеологом промежуточной прослойки, противником нобилитета и деклассированных низов (*vulgus* — стр. 91), известно было и раньше, но автор, в противоположность буржуазным историкам (Моммзену, Эд. Шварцу и др.), рассматривает политические воззрения Саллюстия не стабильно, а в их развитии; сравнивая письма к Цезарю и дальнейшие сочинения Саллюстия, С. Л. Утченко приходит к выводу, что демократизм Саллюстия усилился, что он пришел к необходимости полного суверенитета народа² (стр. 151).

Переходя к Цицерону, автор подверг новому глубокому анализу трактат «О государстве» в связи с политическими воззрениями Цицерона. Говоря об идеологии Цицерона, отмечая его переход от оппозиции оптиматам на сторону нобилитета — к блоку «всадников» с сенатом, С. Л. Утченко ограничивается ссылкой на учебник И. М. Троицкого (стр. 178); между тем здесь нужно было бы об этом сказать подробнее, выяснив причины перемены политической позиции Цицерона, как представителя «всадников». Далее в книге дается анализ некоторых политических терминов, особенно «amicitia», для чего используется переписка Цицерона с Матием. Изучение терминологии теперь, в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания, его учения об основном словарном фонде и словарном составе языка, приобретает большое значение³; но, пожалуй, анализу термина «amicitia» уделяется слишком много страниц. Ведь раскрытие этого термина имеет мало значения для выяснения идеологической основы принципата. Что касается цicerоновского лозунга «согласия сословий» (*concordia ordinum*), то его представителем был не только Цицерон. Этого лозунга придерживается Лукреций; он негодует на то, что несогласие граждан (*discordia*) породило ужасы войны (V, 1305—1307). Таков же аристократический идеал Луцилия; он ранее отразился в римской комедии у Плавта (в комедии *Aulularia*) и затем в «Георгиках» Вергилия, где он восхищается полным «единомыслием» у пчел (IV, 212). О *concordia* много говорит и Саллюстий (например, в «Письме к Цезарю», № 1, § 5; «Заговор Катилины», IX, 1).

Анализируя сочинение Цицерона «О государстве», С. Л. Утченко не мог обойти и вопроса о «монархизме» Цицерона. Солидаризируясь с проф. И. М. Троицким⁴ и проф.

¹ Ср., например, рецензию И. М. Нахова на учебник по римской литературе акад. М. М. Покровского, «Вестник МГУ», 1948, № 12.

² Понятно, в античном смысле этого слова.

³ См. мою статью «Основные проблемы в области классических языков в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания», ВДЦ, 1951, № 4, стр. 176.

⁴ См. его статью «Построение трактата Цицерона „О государстве“ и его полити-

П. А. Машкиным¹, автор, вопреки мнению Ферреро, Эд. Мейера, Р. Ю. Виппера и др., доказывает, что цicerоновский *optimus civis — rector, moderator civitatis* не мыслится как монарх, а представляется Цицерону как временный республиканский реформатор, способный своей мудростью морально выправить, оздоровить государство: убежденный сторонник аристократической республики Цицерон не мог сделаться монархистом. С этим выводом можно согласиться. Однако какими чертами ни наделялся бы этот *rector* — пусть в условиях аристократической республики, — все же, значит, положение государства требовало какого-то мудрого управителя. Такого *rector*'а искал не только Цицерон, но и Саллюстий; во втором «Письме к Цезарю» он призывает Цезаря стать реформатором, восстановить Рим и «низвергнутую свободу» (§ 5 и 13)². И Август, как видно по апологетическому отчету, каким, являются его «Деяния» (RGDA), в сущности выставлял себя таким же мудрым *rector*'ом якобы восстановленной республики, а на самом деле был монархом, опирающимся на «военное господство»³. Действительно, у *rector*'а Цицерона много черт сходства с образом Августа, нарисованным в *Res gestae*. Он сохраняет основанное государство; он, как и Цезарь у Саллюстия («Письма», II, 13), «восстановитель свободы» (RGDA, I: *rem publicam in libertatem vindicavi*); в своей власти он опирается на свое «влияние» (*auctoritas*). De Republ., II, 9: (О Лпкурге, ср. RGDA, 34), он отличается справедливостью, благочестием (*iustitia, pietas*); он должен знать законы, соблюдать право (De Republ., V, 4; RGDA, 6: *curator legum*); он реформатор нравов, поборник *virtus* (De Republ., V, 7; RGDA, 6: *curator morum*); он *princeps* (как он называется во фрагменте, приводимом Августом), *parens populo*; (De Republ., V, 7; II, 26; RGDA, 35).

Таким образом, если к этому образу *rector*'а присоединить «общепатриотический» лозунг (*concordia ordinum*), легший в основу официальной идеологии принципата, то действительно можно согласиться с С. Л. Утченко, что объективно Цицерон оказался «невольным идеологическим предтечей» принципата. Продолжая сравнение *rector*'а и образа Августа в RGDA, приходится констатировать факт, который снова приведет нас к вопросу о греческом влиянии или, по крайней мере, к «эллинистической окраске». Цицерон в «De Republica» противопоставляет своего *rector*'а тирану, которого он конкретизирует в царе Тарквинии Гордом (II, 29); этот *rector* заботится о благе народа и действует, в противоположность тирану, так, «чтобы стыд не менее удерживал граждан от преступлений, чем страх» (V, 4, 7). Проблема власти сильно тревожила римских деятелей конца республики, при этом всегда имелась в виду антитеза тирана и «демократического» вождя, который мог действовать и в рамках аристократической республики. Эта антитеза проходит не только у Цицерона (ср. еще в De Republ., V, 26 сл.), но, как известно, и у Саллюстия, который в первом письме к Цезарю, подобно Сенеке в его трактате de Clementia, убеждал Цезаря не обращаться в тирана: «Жестокая власть скорее тягостна, чем продолжительна: ибо тот, кто внушает страх многим, тот и сам многих страшится... Наоборот, те, которые пользуются властью умеренно и милостиво, для тех жизнь счастлива и радостна» (§ 33). Антитеза «популярного» вождя и тирана отражена в образах «Энеиды» Вергилия⁴. Таким демократическим вождем, гуманным *rector*'ом хотел казаться и Август. Так на щите,

ческие тенденции». Доклады и сообщения филологического института ЛГУ, вып. I, 1949, стр. 180—184.

¹ «Принципат Августа», М.—Л., 1949, стр. 50 сл.

² Носителем монархических тенденций некоторые считают уже Публия Корнелия Сципиона Африканского Старшего. См. диссертацию М. Ф. Тупикова (защитенную в Академии общественных наук) «Публий Корнелий Сципион Африканский Старший как первый носитель монархических тенденций в истории древнего Рима» (машинопись).

³ См. об этом кандидатскую диссертацию В. В. Виноградова «„Деяния императора Августа“ как исторический источник о принципате Августа», М., 1947 (машинопись).

⁴ См. мою статью «Энеида и Август», ВДИ, 1946, № 4, стр. 66—75.

возложенном в его честь в курии Юлии, была надпись, где отмечались *virtus* (доблесть), *clementia* (гуманность), *iustitia* (справедливость), *pietas* (благочестие) Августа, — как раз все качества гуманного вождя (RGDA, 34). В RGDA (гл. 5—6) он подчеркивает конституционное происхождение своей власти; он не узурпатор и хвастается тем, что во время гражданских и внешних войн он, будучи победителем, пощадил всех граждан, просивших пощадить (*veniam petentibus*); «он предпочел сохранить и чужеземные народы, которых было безопасно пощадить» (RGDA, 3). Эта антитеза тирана и «популярного» вождя проводится в речах Мецената, Агриппы и самого Августа у Диона Кассия, но все же она не чисто римского происхождения, а наблюдается во всей греческой философско-политической литературе (Платон, Эврипид, Аристофан, Исократ, Аристотель). Конечно, здесь не может быть речи о прямом заимствовании из Греции, так как проблема формы власти возникла в Риме в I в. под влиянием кризиса республики независимо от Греции, где эта проблема обострилась в IV в. до н. э., но все же эти образы тирана и популярного вождя носили эллинистическую окраску. С этим согласуется и то, что, как теперь выяснено, RGDA по их жанру нельзя отделять от эллинистических «Деяний» (*πράξεις*) и «Царских речей» (*βασιλικοὶ λόγοι*).

Точно так же «общепатриотический» лозунг (*concordia ordinum*) и опора на «обычай предков» (*mos maiorum*), и эти идеологические моменты, составившие впоследствии основу официальной идеологии Августа, по происхождению не только римские. Они были популярны в греческой философско-политической литературе. «Общее согласие» — это греческая *ὁμόνοια*, идущая от софиста Антифонта и воспринятая стоиками; *mos maiorum* — это *πάτριος πολιτεία* — лозунг, популярный в Греции V—IV вв. до нашей эры.

В итоге можно сказать, что, хотя в рецензируемой книге не все совершенно ново, но автор умеет оживить и научно углубить даже известные положения, а это, вместе с его новыми интересными выводами, создает стройную концепцию, которая показывает нити, связывающие идеологическую борьбу конца республики с основами идеологии принципата. Как мы отмечали и как не раз указывает сам автор, он не ставил себе задачей исследовать проблему во всем объеме, но от этого работа несколько не проигрывает: она ставит проблемы, будит мысль и толкает на дальнейшие исследования на основе более широкого материала (например, Луцилия, речей и писем Цицерона, истории Тита Ливия). Аргументация ведется автором очень тонко, осторожно. Это подлинно марксистская работа, заостренная против идеалистических концепций буржуазных ученых. Всюду вскрывается классовая сущность явлений и их причины. К этому надо добавить, что книга написана ясным языком. Книгу С. Л. Утченко с интересом прочтет не только специалист, но и всякий советский читатель, интересующийся историей.

Н. Ф. Дергачи

К ВОПРОСУ О ВНУТРЕННЕЙ ТОРГОВЛЕ ПРИКУБАНЬЯ С ФАНАГОРИЕЙ

Исследование античных колоний Юга СССР в настоящее время немаловажно без изучения истории и культуры местных племен, их взаимоотношений с греческими колониями, их участия в экономической и политической жизни боспорских и других античных городов. Одному из этих вопросов, а именно выяснению экономических связей Азиатского Боспора с синдо-меотскими племенами Прикубанья, посвящена статья И. Б. Зеест «К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией» в МИА, XIX¹. Автором используется одна из категорий археологических памятников—

¹ В следующем номере будет помещена развернутая рецензия на весь XIX том МИА.